

Красиков В.И.

Досада и тоска

Досада – наиболее активный поведенческий компонент в узоре маеты. Это наиболее распространенная реакция на маету, закупоренное обстоятельствами медленное жизненное изнурение. Досада есть либо первичная реакция на закупоривание, либо постоянное противодействие, несогласие со своей долей активистского типа личностей с большим природным потенциалом витальности.

Основной экзистенциальный тон досады – уязвленное самолюбие, крушение всегда завышенных жизненных ожиданий. Человек устроен так, что не может не ждать счастья, удачи, богатства, здоровья, долголетия, радости и довольства. Он знает, что не может хватить на всех здоровья, богатства, славы и удачи. Да и замков, и принцев на белых конях до обидного малого. Но уж ему-то должно достаться. Он ведь не такой, как все, он – особенный. Придут и все дадут, приговаривая: "Ах какой ты необыкновенный, ну как мы тебя любим!"

Но вот все более и более проясняется – не тот оказался, нет и не будет ожидаемого, сколько не жди. Да и ждать уже бессмысленно – впереди маячит уже увядание. Кто виноват? Это главный вопрос, интенция досады. А искать виновника оказывается очень интересно, недаром большинство так любит детективы.

Общее в разных адресованиях досады – убежденность в тотальной несправедливости мира, Бога, общества. Человек не просто сам по себе тянет лямку маеты – нет, в досаде, как в доминирующем поведенческом состоянии, он стремится что-то доказать миру и себе, отомстить или оправдаться. Наиболее явственны в своей противоположности три возможных ее проявления: садистская досада, мазохистская досада и досада деромантизации.

Досада вообще есть реакция разочарования: надежды не сбылись, ожидаемое расходится с действительностью, мир и я оказались далеки от идеальных. Жить же в совсем неприятных, чуждых реалиях тягостно, муторно, томительно, т.е. маетно. Но в досаде мы еще активны, не безразличны, одержимы праведным гневом и обидой: "Как, так просто все оставить? Меня обманули,

наплевали в душу, исковеркали мою единственную и уникальную жизнь и все должно сойти с рук? Нет, кто-то должен за это ответить. Но кто?" Поиски адресата и составляют суть досады. Здесь сил еще хватает на эти поиски. Скорее лишь потому, что остаются еще, на периферии сознания, надежды: если разобраться, то может можно еще будет внести поправки и изменить жизненный баланс в позитивную сторону.

Садистская форма досады характерна для большинства людей, склонных более всегда винить обстоятельства, других, мир в целом, нежели обращать внимание на себя (видим соринку в чужом глазу и не замечаем бревна в своем). Действительно, ну не я же сам виноват. Я-то хороший, вот только все мешает и препятствует мне. С точки зрения сохранности душевного здоровья такая установка безупречна и даже, по-видимому, является индивидуально-правильной, позволяя ее носителю оставаться цельным, неразорванным и самодовольным.

Так появляются *агрессивно-досадующие*, стремящиеся сорвать свои злость и разочарование на окружающих, отомстить – кому только в состоянии и по силам – за поругание самого ценного и святого, моего "Я". Его величия и значительности, неудовлетворения даже маленькой толики необъятности и ненасытности его желаний. Агрессивная досада проявляется в ненависти-зависти к "везунчикам", удачливым. Вопрос ставится именно так: не к людям, достигшим успеха, его заработавшим (трудом, способностями), таковых нет во вселенной агрессивной-самолюбивой посредственности, а именно к тем, кому "подфартило" – и совершенно незаслуженно. Они просто не в состоянии почувствовать разницу между собой и талантом. Ценить способен лишь тот, кто сам в душе своей носит хотя бы зерна таланта. В мире же безмерной гордыни, алкания обладания, залитом золотыми лучами ослепительного "Я" – духовном отечестве агрессивной досады, никогда не может быть пророков, ибо нет и не может быть доверчивых, внимающих ушей. Потому при виде успеха ближних таких людей охватывает ненавидящая зависть, слепящая разум колышавшим маревом "Почему не я?"

Садистичность такой досады проявляется в злопыхательстве и в желании уязвить, сделать больно, достать не напрямую, а как-нибудь через обнаруженные слабые места "обидчика" – везунчика, баловня судьбы. Недостигаемые, они становятся объектом

бессильной злобы, сплетен, яд которых все равно, как-то, невидимыми путями людских коммуникаций-молвы, находит своего адресата, отравляя и их существование. Здесь проявляется действенность, мстительность – конечная цель досады: сделать так же больно, как и мне, дать почувствовать воображаемому обидчику – каково это. Равно как и расставить все по своим местам – не замечаете меня, такого значительного и ценного, вот вам. Кто сей зарвавшийся? Лучше нас? Ату его!

Это, так сказать, "ближние враги", которые виновны в моих лично-ситуативных затруднениях, объекты досады в непосредственном окружении. Но есть у агрессивно-досадующих обязательно и метафизические враги среди человечества – категория лиц, которые также мешают жить полноценно, узурпируя жизненные преимущества. Как правило, это тоже успешные люди: евреи, чиновники-бюрократы, буржуи-эксплуататоры, лица кавказской национальности и прочие аналогичные категории. Это они гадят, переделывают общую для всех реальность только под себя. И делают они это хитро, незаметно и тайно, путем закулисных интриг и заговоров. Но уж эти-то люди, которые видят этих метафизических злодеев, мальчишей-плохишей, выведут их на чистую воду. И выводят, решая свои личные психотерапевтические проблемы таким публично-агрессивным способом.

Эта агрессивность удивительным образом сочетается с детски-наивным доверием к демагогам, популистам и кликушам, лицемерно жалеющим "народ", врущим в три короба о возможности все решить в самое короткое время, дать всем достойную жизнь и почет. Это говорит лишь о том, что досада здесь выражает злость скорее "условно разочарованного", который, однако, не желает разочаровываться и готов при малейшей возможности опять зачароваться новыми посулами и обольщениями. Агрессия мести за разочарование здесь означает месть за этот-вот обман. Сам принцип остается неизменным: "Я бесспорно хорош и если не я достоин успеха и счастья, то кто же?" Все дело в том, что мешают враги. Их устранение восстанавливает правомерность базовых надежд.

Напротив, интровертированные люди досадуют на себя. Причем интровертирование не только врожденная характеристика мироотношения человека, но и благоприобретенная. Бесспорно, есть люди с заниженной самооценкой, депрессивно-самозамкнутые

вследствие своего изначального психического устройства. Но также бесспорно, что есть люди, которые в силу самоанализа, саморазвития сознания поняли, что причины добра и зла не вовне, а в душе самого человека, его способностях полагать себе цели существования. Надо помнить об этом и не путать эти две весьма различные категории людей. Первые из них досадуют, мазохистски обрушиваясь на себя, вторые досадуют метафизически, сокрушаясь о строе мироздания в целом, идеалистически желая его переиначить. Досада человека с заниженной самооценкой по крайней мере гуманистична для окружающих, в отличие от агрессивной ее формы. Здесь суд устраивается не над окружающими, а над собой, счет предъявляется не внешнему миру, а собственной душе. Ощущение собственной виновности, греховности, ущербности концептуализировано в религии в понятии "первородного греха". Когда-то одни из великих природных интровертов выразили в нем всю глубину мучений и сомнений этого типа людей.

Более прозаичные, массовые обыденные чувствования досады, направленной вовнутрь, можно представить в тройственной тональности. Основной тон – занижение самооценки: "ну до чего я нескладный (неспособный, невезучий, слабый) уродился, но ведь и я счастья хочу". Сюда же примыкают два производных тона: "где-то мною сделана роковая ошибка", мучительный поиск которой составляет содержание душевной жизни маящегося. Либо: "недостаточно, совершенно недостаточно приложено сил, неправильно была выбрана стратегия, поторопился, не обдумал все внимательно и наперед".

Подобные три тона и порождают щемяще-суицидальную мелодию виновности, самоосуждения. Ощущение вины, покаяние – очень человеческий мотив. Скажем "живой" человеческий мотив, характерный для душ, способных к самокритичности, не затертых скудоумием пошлости "гонки на выживание", не заросших коростой функционирования. Кто способен чувствовать виновность, тот жив душой. Виновность может приобретать метафизические размеры в философствовании интровертированного типа людей, у которых сочетание природной склонности и профессиональной рефлексивности порождает высшие, хотя и явно ригористические, нравственные формы: категорического императива, долга, вселенской ответственности человека, совести. Причем совесть и долг связаны теснейшим

образом со способностью переживать собственную виновность интимно, в душе. В противоположность публичному долгу как внешней обязанности, о которой все знают, и публичной же совести как поступках обмена услугами ("ты – мне, я – тебе") или возмездия ("око за око"). Внутренне-душевный долг и совесть возможны только при развитой виновности. Для большинства, живущего более внешним, подобные люди представляются либо психически больными, депрессивными личностями, либо абстрактными идеалистами, вызывающими удивление, недоумение, уважение, но не более. Вообще так оно и есть на самом деле. Другое дело, что эти люди: мученики, юродивые, белые вороны, недотепы и пр., выполняют важную антропологическую миссию – будят других, активизируют в их душах интровертно-рефлексивные начала. Итоги воздействия их жизненных примеров на души людей менее заметны, нежели феерические последствия вулканизма ницшевских "сверхлюдей" или шпенглеровских людей действия, но более основательны, глубоки. Их примеры показывают, что есть и другая жизненная позиция, помимо агрессивно-эгоистической. Толерантность, гуманизм имеют под собой метафизическую базу именно философско-религиозного интровертирования: виновности, совести, долга. Посмотри сначала на себя, потом осуждай других. С точки зрения обывателя, как впрочем и некоторых философских учений, - это непростительная слабость. Но это не так.

Виновность есть слабость только в случае отсутствия разума и рефлексии. При их же наличии она из естественно-психической, депрессивной формы может перейти в душевное качество подлинно-внутренних совести и долга (а не лицемерно-социальных их форм).

На перекрестии агрессивной досады и самопоедающей ее формы находима метафизическая досада или досада деромантизации. Она может принадлежать как редко встречающемуся природно-гармоническому типу людей, у которых счастливо равновесны внешняя и внутренняя ориентации, так и у философских натур, достигающих этого паритета сознательными усилиями переделки своей природы. Не стонать и проклинать, а принимать все это, хотя и с тяжелым, досадливым вздохом. Обижаться на мир – глупый детский антропоморфизм, на людей – сам такой же, присмотри внимательнее на себя. Зачем отравлять и без того исчезающе краткий миг твоего пребывания здесь?

Как известно, любой наш субъективный акт *желания, хотения, стремления* интенционально устроен таким образом, что в нем помимо неявного образа объекта вожеления (того, *что* желаешь), встроена обязательно и крайне негативная реакция на возможные препятствия к его обретению либо хроническая лишенность его. Эта вторая, неотъемлемая, сторона любой устремленности к чему-либо, сопряженная с желанием. Это бурное "не хочу", чтобы мне не давали того, что я хочу, либо его лишали – мощно подпирает наш собственно импульс желания.

Если только возникло хотя бы малюсенькое желание, вместе с ним появляется и потенциальное разочарование, страдание. Это обстоятельство гениально концептуализировано Буддой в его великой истине: жизнь есть желание и именно оно есть источник всех страданий. Правда Будда, как и позже стоики, полагали, что попытавшись искоренить желания особыми физическими и ментальными процедурами, мы достигнем чего-то качественно отличного от сего мира – на пути к полной апатии. Трудно сказать что-либо определенное по этому поводу без личностного эксперимента – а ценой ему твоя жизнь, которая всего одна. Но получается вот такая занятная вещь. Человек, которому предлагают данный путь, не может на него решиться, не поверив, т.е. не обрета *надежду*. Надежду на избавление, на выход из сансары. Не обрета *желание* покончить со всякими желаниями. И он будет постоянно, хочет он ли этого или нет, тайно сверять обещанное и осуществившееся, испытывая при этом знакомое чувство досады и обиды. Замкнутый круг: невозможно избавиться от желаний, не желая этого. Сама наша воля в ее "чистоте" есть наше *его*, самосознание, живущее и обслуживающее наше тело. И она, воля, *его*, имеет всегда только жизненно-практическое проявление в "желаниях-отвращениях". Это как чистые формы внешнего и внутреннего созерцания у Канта "пространство и время" - нет их чистых форм, вне наполнения чувствами. Невозможно человеку представить себе чистое пространство и время – но всегда только в конкретно-представимых формах. То же и с желанием и волей. Абстракция "воли", как и "пространства", существуют только в понятии и на бумаге, но не представимы вне их конкретно-эмпирических воплощений в конкретных желаниях и в конкретных пространственных представлениях.

Потому затея Будды и стоиков есть попытка искоренить волю и самосознание – собственно человеческое в человеке. Нет, мы желаем и будем желать, досадовали и будем досадовать – по крайней мере, в существующей физиолого-ментальной комбинации нашего вида. Но страсти должны контролироваться волей и разумом. Воля должна быть послушной разуму, быть им укрощенной. Собственно, это одно и то же: самодисциплина его и есть самоукрощение воли. Знание просветляет волю, а знание себя синхронизирует и сливает воедино самосознание (собственно "чистую" волю, ее источник и принцип) и волю как совокупность желаний тела. Правда всегда только до определенной степени – ко-экзистенциальные уровни духа и тела все же остаются самостоятельными, хотя и приближаются этим соразмерением.

У людей, которые способны поставить себе эти вопросы, о своих желаниях и страданиях, воле, жизни и разуме, сама досада как реакция разочарования и обиды на несбывшееся, томительность не того существования, которое ожидалось, становится "разумной". Человек спрашивает себя: "Ты что, всерьез хочешь обвинять мир, других людей или себя в твоём томлении? Присмотрись, ни миру, ни другим до тебя нет никакого дела, а твое обустройство зависит исключительно от тебя. Никто тебе и не обещал ничего – сам же ты ждал всего этого. Но ты и не мог думать и вести себя по-иному: большинство молодых людей настроены романтично и идеалистически. Да, горестно терять иллюзии и вполне обоснованно досадовать. Но на кого или на что?" Бесстрастие и смирение одинаково неприемлемы. Мы люди и живем страстями, но страсти должны соразмеряться с разумом.

Разум указывает, что единственным источником досады может быть лишь сам принцип всего сущего: Logos это, Бог ли, законы вселенной. "Все не так, как надо". А как надо? А так, чтобы человечество стало демиургом, человекобожие. Все другое полумера либо ханжеское издевательство. Типа: смирься, гордый человек! Но тут, как и в случае с Буддой – само желание смирения вновь неутолимо, незаметно возжигает вселенский костер досады, уже сублимированно-ханжеской или разорванно-растерянной.

Мы разложили здесь досаду на три формы. В повседневности они, как правило, "три в одном" – спектре, гамме, выделяемые условно лишь проясняющей рефлексией. Досада, как активная эго-эмоция, волевой, адресный импульс, проявляющийся в конкретно-

содержательных действиях, *сопровождает* определенным переживанием, *умонастроением*, который можно назвать *тоской*.

В тоске мы видим страдательность, сиротство. В отличие от более поздних, более духовно-возрастных форм скуки и отчаяния, где уже атрофируются родственные претензии человека к миру. В тоске же человек по детски еще доверчив к миру. Он вопрошает, вопиет: "За что меня оставили? Свое дитя?" Обращаясь к миру ли, судьбе ли, Богу ли, Родине ли. Здесь сильны еще патерналистско-метафизические настроения, ожидания. Человек настроен на заботу о себе, водительство со стороны внешней отеческой силы.

Тоска и есть бесприютность, беспризорность потерянного и потерявшегося человека. Это дезориентация, страдание непонимания и надежда вернуться в Дом, где о тебе будут заботиться. Человек еще не понимает, что он никому не нужен и живет тайной надеждой, что это все временно: вот сейчас изменится, откроется дверь и его позовут обратно. Потому столь силен в тоске мотив метафизической ностальгии. Тоска – острое желание вернуть прежнее бывание-обладание, ностальгия по уверенности в себе и твердости надежды.

Человек в своей досаде подспудно тоскует, готов простить того, кого прокликает, все забыть и простить. Как ребенок он показушно гневается или громко и убедительно рыдает, в глубине души своей лелея надежду на то, что тем самым исправит к лучшему поведение значимых людей. В тоске, таким образом, двойственность: это и прощание, расставание с милыми, дорогими сердцу, сросшимися с самой душой, убеждениями, взглядами, надеждами привычками, манерой, стилем жизни; но прощание еще с тем, что *только уходит*. Вот оно, еще здесь, мы видим еще спину уходящего. Кажется, что все еще можно обратить вспять, заставив вернуться бывшее – раскаявшись или, напротив, показав, что мы вполне можем обойтись и без него. Отсюда сила и пронзительность тоски, ее томительность.

Есть периоды, жизненные вешки, когда все мы оказываемся в состоянии пронзительности тоски. Это дни нашего рождения, встречи Нового года, Рождества. Смысл рубежности, придаваемый этим периодам времени социокультурной традицией, заставляет многих из нас, даже самых закоренелых прагматиков и рационалистов, сличать и сравнивать "нас теперешних" и "нас бывших": сокрушенно вздыхать, ужасаться, томиться жалостью по

ушедшему, украдкой утирая такую сладкую слезу. Метафизации этих чувств тоски мы встречаем в музыке, литературе, философии. А зачем, собственно, они и нужны? Как не для этого: чистого выражения всей гаммы наших же чувств и мыслей? Мотив высокой неизбывной тоски – как печальная, медленная, достающая до исподнего души, мелодия – есть и в философии, этой музыки, застывшей в мысли. Тоска по идеалистической вселенной, родине духа. Презрение к материи, нахождение в вещественной действительности сродни пробуждению в дурном сне, кошмаре, среди душной темноты. Щемящая неизбывность о мире, где хоть что-то зависит от тебя и где "радость любила тебя".

Пуповина, связывающая наше "я" с прежним, еще не разорвана, иногда она вообще не может быть оборвана. Мы не отстранены, не отчуждены от бывшего вместе с нами, бывшего частью нас. Наше "я" срослось с ним и ему больно, когда его насильно отрывают от того, к чему прикипело. Поэтому тоска и есть страдание сиротства с убылью надежды на возвращение, возврат. Убыль эта и есть пытка томительностью постепенного истаивания надежды. Безжалостно рассеиваются последние грезы, безумные, невозможные мечты – под слепящим натиском яркого и отчетливого рационального понимания яви самоотчета в том, что "домой возврата нет": все ушло, иссохло, завяло, обратилось в труху либо в старые, смешные, облезлые и никчемные вещи. Это приводит к последнему и самому мощному пароксизму тоски – *безнадеге*, почти отчаянию. Но только "почти", ибо хотя и есть эмоциональное падение, обвал, но это только разовое пока явление. Из пропасти можно еще выбраться. Безнадега – последняя точка, действительно радикально-прощальный аккорд, огонь, выжигающий последнюю сентиментальную рухлядь. Из пепла восстает иной феникс – рациональный человек, расставшийся со своими иллюзиями. Но такое проходят не все, даже не большинство. Иные склонны всю жизнь бежать от тоски, не оставаться с ней наедине. Они не в силах смотреть пристально в ее, сводящие с ума, зеленые глаза (тоска зеленая) и спасаются, заказав у общественных иллюзий или кустарно смастерив – розовые очки самонаведенных золотых снов. Розовые очки – неременный атрибут агрессивной досады, которая прячет за ними изъязвленную кислотой безнадеги душу.

Тоску следует отграничивать от ее преддверий: грусти и печали. Это еще пока лишь первые звоночки, сигналы – о диссонансе, рассогласованности самоуверенности и ее реального обеспечения. Пока это только легкий дикомфорт, проходящая и исчезающая зыбь волнения, беспокойства. Часто даже вроде и не о чем, просто... Пока.